

Лян Циншэн твердо решил избавиться от своей вредной привычки, поэтому, ухватив Цы Ханьсуна, потащил его к зеленому мусорному баку. Там они вдвоем выкурили по сигарете.

Свет звезд, смешиваясь с ярким освещением столовой, падал сверху, четко очерчивая их профили. Цы Ханьсун выглядел хуже некуда — он еще никогда не чувствовал себя настолько нелепо. Два рослых парня, стоящие по обе стороны от мусорного бака с сигаретами в руках, — любой прохожий наверняка принял бы их за охранников этого самого бака. Оба высокие и статные, они приковывали к себе взгляды каждого, кто проходил мимо.

Лян Циншэн и сам чувствовал неловкость, но раз уж сам заварил эту кашу, то должен был расхлебывать ее с улыбкой. Увидев, что Цы Ханьсун прижал тлеющий кончик сигареты большим и указательным пальцами, затушил его под краном неподалеку и лишь потом выбросил, он, не раздумывая, повторил то же самое.

Заметив, что Цы Ханьсун по-прежнему хмурится, Лян Циншэн приподнял бровь:

— Покурили, а чего такой недовольный?

Цы Ханьсун лишь фыркнул, проигнорировав вопрос. Он высокомерно задрал подбородок, отвернулся и, скрестив руки на груди, в своих очках стал вылитым капризным маленьким господином. Это была самая «ароматная» сигарета, которую ему доводилось курить.

— Отвезти тебя обратно в университет? — Лян Циншэн, подражая ему, тоже сложил руки на груди и задрал подбородок.

Цы Ханьсун мгновенно растерял весь свой холодный вид, поджал губы и отрезал:

— Нет.

— Тогда чего ты хочешь? — спросил Лян Циншэн. — Хочешь, чтобы я устроил тебе экскурсию? — он бросил на него холодный взгляд и усмехнулся: — У вас в универе, кроме столовой, больше нигде погулять?

— О, улыбнись брату, и я покажу тебе всё, — Лян Циншэн, видя его ледяное лицо, расплылся в улыбке, намеренно дразня его.

Цы Ханьсун смотрел на него в упор, не выражая ни единой эмоции. Его суровое лицо и напряженная линия челюсти оставались неподвижными. Лян Циншэна ничуть не смутила его холодность — он и так шутил, когда просил улыбнуться. Он широко раскинул руки, обхватил Цы Ханьсуна за плечи и притянул к себе. Цы Ханьсун поджал губы, сохраняя невозмутимый вид, но его руки сами собой легли на пояс Лян Циншэна, вцепившись в куртку. Поза вышла довольно интимной.

— На самом деле, тут темень, смотреть особо нечего. Давай сначала сходим к озеру.

Озеро Тунъюань днем было примечательно лишь белыми фарфоровыми лебедями, склонившимися ивами и каменным арочным мостиком, перекинутым через центр водоема. Но по ночам чья-то «добрая» дизайнерская рука превращала его в декорацию к гонконгскому фильму ужасов: цветная подсветка, бьющая со дна, окрашивала всё в глубокие, мрачные тона. Тени от зелено-синих ив казались когтистыми чудовищами, готовыми утащить неосторожного прохожего на дно.

Лян Циншэн, приобнимая Цы Ханьсуна, повел его по тропинке, а затем вверх по каменным ступеням. В темноте на скамейках повсюду сидели парочки, создавая атмосферу двусмысленности. Сердце Цы Ханьсуна на миг замерло: он уж было подумал, что этот болван поумнел и решил сблизиться, но, как только они оказались на вершине арочного моста, Лян Циншэн остановился.

Внезапно пояс Цы Ханьсуна сдавило, и его рывком усадили на перила моста. Ноги повисли в воздухе, одной рукой Лян Циншэн держал его за плечо, а другой — за маленького каменного льва на перилах.

— Ты... что делаешь? — голос Цы Ханьсуна дрогнул, зрачки сузились, а пальцы впились в одежду Лян Циншэна еще сильнее.

Лян Циншэн усмехнулся, прижал его за пояс, заставив податься назад так, что половина тела оказалась над пустотой, и прошептал:

— Хочешь, в озеро тебя сброшу? Веришь, что сделаю это?

Цы Ханьсун, лишившись опоры и отклонившись назад, почувствовал, как внутри всё сжалось. Он отпустил перила, обеими руками обхватил Лян Циншэна за шею, а ногами обвился вокруг его талии.

— Бросай, — бросил он, вызывающе вскинув подбородок, когда уже почти повис на Лян Циншэне.

— Думаешь, я с тобой не справлюсь? — Лян Циншэн обладал немалой силой. Он перехватил запястья Цы Ханьсуна, оторвал его руки от своей шеи, одной рукой удерживая за плечо, а другой надавил на корпус, заставляя прогнуться.

Тут Цы Ханьсун по-настоящему испугался. Его тело выгнулось в дугу, ноги соскользнули, теряя хватку.

— Лян Циншэн! — вскрикнул он. Его запястья были зажаты, он продолжал заваливаться назад, и со стороны это выглядело как попытка убийства. — Верю, верю я! — не выдержал он и прошептал.

— Признаешь свою вину? — Лян Циншэну доставляло удовольствие видеть его испуг.

— Лян Циншэн, ты такой инфантильный! — Цы Ханьсун злобно сверкнул глазами. В полумраке, среди цветных огней, его лицо казалось необычайно дерзким и притягательным.

Лян Циншэн тихо рассмеялся и наконец снял его с перил. Стоило ногам Цы Ханьсуна коснуться земли, он пришел в себя и тихо выругался:

— Ублюдок!

Лян Циншэн ничего не ответил. Цы Ханьсун, не дождавшись привычной колкости, с тревогой взглянул на него и, увидев бесстрастное лицо, похолодел — неужели перегнул палку? Он уже хотел что-то сказать, чтобы сгладить ситуацию, но Лян Циншэн вдруг приподнял его подбородок. Его грубая ладонь почти полностью закрывала лицо Цы Ханьсуна, а подушечки пальцев мягко поглаживали кожу за ушами.

Жест был донельзя красноречивым. Цы Ханьсун не успел подумать ни о чем другом, как его дыхание участилось, а сердце забилось в бешеном ритме. Он чуть приподнял подбородок, глядя в темные глаза Лян Циншэна, и прикрыл веки, ожидая поцелуя.

Но Лян Циншэн остановился в самый последний момент, когда губы Цы Ханьсуна уже потянулись к нему. Он хитро улыбнулся, наклонил голову и громко чмокнул его в ухо.

Цы Ханьсун распахнул глаза и услышал издевательское:

— Хотел, чтобы ублюдок поцеловал тебя в губы? А вот и нет, не дождешься.

Лян Циншэн и сам не понимал, почему его так тянет дразнить этого парня, срывая с него маску ледяного спокойствия. Цы Ханьсун сжал кулаки — он был в ярости от такой насмешки. Он обхватил Лян Циншэна за пояс, притянул к себе и впился зубами ему в плечо. Под носом ощущался жар его тела, а сам мужчина был таким крепким и сильным, что у Цы Ханьсуна задрожали колени. Он укусил не до крови, но достаточно ощутимо.

Вдалеке слышались голоса, и оставаться на мосту стало неудобно. Но Цы Ханьсун все еще был занят тем, что мстительно вгрызался в плечо Лян Циншэна. Тот, не долго думая, подхватил его под пояс и поднял. Цы Ханьсун тут же разжал зубы, обнял его за шею и, увидев приближающуюся парочку, уткнулся лицом в плечо Лян Циншэна, прячась.

Двое высоких парней, конечно, привлекли внимание, но лишь на миг. Лян Циншэн сел на каменную скамейку. Увидев, что Цы Ханьсун послушно сидит у него на коленях, перестав кусаться и говорить, он спросил:

— Выпустил пар?

Цы Ханьсун промолчал, уткнувшись носом в открытую часть шеи Лян Циншэна, и снова укусил его, а потом брезгливо фыркнул:

— Весь в поту, соленый, фу.

Лян Циншэн рассмеялся и ущипнул его за бок. Цы Ханьсун дернулся, а Лян Циншэн проворчал:

— Я тебя просил кусаться? Только с тренировки, конечно, я в поту, а ты чего ждал, аромата цветов?

— Как же ты бесишь, — Цы Ханьсун встал. Здесь люди могли пройти в любой момент, и их близость была неуместна.

Сказано это было тихо, словно перышком по сердцу провело. Но выражение лица оставалось прежним — холодным и отстраненным. Лян Циншэн вдруг подумал: когда он был с Фэн Ли, все было иначе. Он во всем уступал ему, никогда не дразнил, был «идеальным парнем». А с Цы Ханьсуном он был самим собой — говорил и делал что хотел. Может, потому что ему было всё равно? Или он знал, что Цы Ханьсун к нему относится иначе?

Ответа он найти не успел. Всего пара секунд задумчивости — и взгляд Цы Ханьсуна стал ледяным. Он схватил Лян Циншэна за подбородок, заставив посмотреть на себя. Голос его был холодным и опасным:

— Ты опять думал о Фэн Ли.

Это было утверждение, а не вопрос.

— Нет... — Лян Циншэн охнул, когда Цы Ханьсун впился зубами в его губы, а потом бесцеремонно просунул язык внутрь, не заботясь о том, кто может их увидеть.

Лян Циншэн хотел было оттолкнуть его, но Цы Ханьсун опередил его и сам толкнул Лян Циншэна. Тот не удержал равновесие и повалился назад в кусты, едва не свалившись в озеро. Цы Ханьсун смотрел на него сверху вниз без единой эмоции:

— Секунду назад обнимался со мной, а в следующую думал о другом... Лян Циншэн, ты, черт возьми, невозможен.

Лян Циншэн поднялся с земли. Он был ошарашен, даже напуган, но его ревность была настолько очевидной, что злиться всерьез он не мог. Однако, нахмурившись, он молча зашагал прочь по тропинке.

Цы Ханьсун остался стоять на месте. Глядя, как Лян Циншэн уходит, не оглядываясь, он почувствовал, как тьма вокруг словно начала его поглощать. Он знал, что тот не может забыть Фэн Ли за такой короткий срок, но внутри всё равно всё ныло, а спокойствие в душе сменилось давящей пустотой.

Когда он увидел, как Лян Циншэн вышел из темноты на освещенную фонарями дорогу, у него

защипало глаза. Ощущение, что его снова бросили в темноте, было невыносимым. Он прикусил губу до белых пятен, впился ногтями в ладони, думая, что должен был сдержаться, не быть таким агрессивным...

Он достал телефон и пошел следом. Он хотел позвонить, извиниться, вымолить прощение, лишь бы вернуть его. Но в конце тропинки, ведущей к свету, снова возник черный силуэт — мощный, широкий, чей контур казался больше любого другого.

Сердце Цы Ханьсуна, которое уже было готово замерзнуть, снова забилось — живо и сильно. Он крепко сжал телефон с набранным номером. Силуэт быстро подошел к нему. Цы Ханьсун поднял голову, но не успел произнести ни слова, как его обхватили за шею и схватили за подбородок тем же жестом, что и раньше.

Лян Циншэн поцеловал его — жестче и яростнее в десять раз. Губы тут же заболели, он прикусил его язык, а затем, отпустив, потащил его за собой, крепко удерживая за шею.

— Чертов сумасшедший! — донеслось до него тяжелое, прерывистое дыхание Лян Циншэна. — Вздумал устраивать истерики на людях? Клянусь, я тебя когда-нибудь убью!

Цы Ханьсун поджал онемевшие губы, уголки его рта приподнялись, а в глазах снова вспыхнул огонек.

— Ты еще смеешь думать о посторонних? В следующий раз я устрою еще большую сцену.

— Да твою мать! Я с тобой-то едва справляюсь, о ком еще я могу думать? Включи ты уже свои мозги! — это было почти признанием.

— Не могу, у меня мозги не работают, — Цы Ханьсун обнял его за пояс и прижался к его груди.

Видя, что тот продолжает упрямиться, Лян Циншэн в сердцах укусил его за левую щеку. Когда они вышли под свет фонарей, на лице Цы Ханьсуна красовался четкий отпечаток зубов.

Умываясь, Цы Ханьсун бросил на Лян Циншэна взгляд и язвительно заметил:

— Рот у тебя огромный.

Лян Циншэн холодно глянул на него:

— А что у твоего папаши не огромное?

Цы Ханьсун лишь закатил глаза.